

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-2-230-234

Дата принятия рукописи в печать: 12.03.2026 г.

РАДЖАБОВ Шамиль Раджабович,

кандидат юридических наук, доцент,

и. о. заведующего кафедрой уголовного права и криминологии

Дагестанского государственного университета,

e-mail: shamil.1503@mail.ru

ЗАЛИБЕКОВ Рамазан Пахрутдинович,

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии

Дагестанского государственного университета,

e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

◇ **Аннотация.** В статье проводится комплексный научный анализ состояния уголовно-правовой охраны экологических отношений в Российской Федерации. Исследование направлено на выявлении глубинных причин низкой эффективности действующих правовых механизмов, к которым относит концептуальные недостатки конструкции норм главы 26 УК РФ, их бланкетный характер и дисбаланс санкций, а также системные проблемы правоприменительной практики. В данной статье детально рассматривается. В заключение формулируется комплекс взаимосвязанных предложений по преодолению кризиса, включающих доктринальный пересмотр места экологических преступлений в системе УК РФ, ужесточение санкций, кодификацию природоохранного законодательства, развитие восстановительных подходов в правосудии и создание специализированных правоохранительных институтов. Реализация этих мер представлена как необходимое условие для трансформации уголовного закона в действенный инструмент обеспечения экологической безопасности.

◇ **Ключевые слова:** экологические преступления, уголовно-правовая охрана, окружающая среда, бланкетные нормы, латентная преступность, экологическая безопасность.

RADZHABOV Shamil Radzhabovich,

PhD in Law, Associate Professor,

Acting Head of the Department of Criminal Law and Criminology

at Dagestan State University

ZALIBEKOV Ramazan Pakhrutdinovich,

Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology,

Dagestan State University

PROBLEMS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR ENVIRONMENTAL CRIMES AND THEIR SOLUTIONS

◇ **Annotation.** This article provides a comprehensive scientific analysis of the state of criminal law protection of environmental relations in the Russian Federation. The study aims to identify the underlying causes of the ineffectiveness of current legal mechanisms, including conceptual flaws in the design of Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation, its blanket nature, and the imbalance of sanctions, as well as systemic problems in law enforcement. This article provides a detailed examination. In conclusion, it formulates a set of interrelated proposals for overcoming the crisis, including a doctrinal review of the place of environmental crimes in the Russian Criminal Code, tougher sanctions, codification of environmental legislation, development of restorative approaches in justice, and the creation of specialized law enforcement institutions. The implementation of these measures is presented as a necessary condition for transforming criminal law into an effective tool for ensuring environmental safety.

◇ **Key words:** environmental crimes, criminal law protection, environment, blanket provisions, latent crime, environmental safety.

Конституционное право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба, причинённого экологическим правонарушением (ст. 42 Конституции РФ), является фундаментальной гарантией, от эффективной защиты которой зависит не только качество жизни, но и здоровье и безопасность населения, а в стратегической перспективе – биологическое выживание нации. В этих условиях уголовное право выступает в качестве самого строгого рубежа обороны экологического правопорядка.

Одной из ключевых доктринальных проблем, отмечаемой многими учёными, является само место экологических преступлений в системе Особенной части УК РФ. Глава 26 «Экологические преступления» расположена в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», что, по сути, ставит экологическую безопасность в один ряд с иными видами безопасности. Как справедливо указывают исследователи, такая систематизация принижает самостоятельную и абсолютную ценность благоприятной окружающей среды, игнорируя её характер как основы жизни и здоровья не только нынешнего, но и будущих поколений. Эта позиция находит поддержку в трудах таких ученых, как А.И. Чучаев и О.С. Капинус, которые прямо указывают, что родовым объектом главы 26 должна выступать именно экологическая безопасность как комплексное общественное благо, а не порядок управления [5]. Перемещение этой главы в отдельный раздел, посвященный преступлениям против безопасности человечества или против основ конституционного строя, кардинально изменило бы правовое восприятие тяжести данных деяний, поставив их в один ряд с экоцидом (ст. 358 УК РФ), который уже сейчас расположен в разделе XII.

Подобный подход законодателя косвенно отражает недооценку социальной опасности экологических посягательств, последствия которых могут носить отложенный, кумулятивный и необратимый характер. В то время как, по оценкам экспертов, более половины населения России проживает в условиях, где качество атмосферного воздуха не соответствует нормативам, а экологические причины вносят существенный вклад в общую заболеваемость и смертность, уголовный закон не демонстрирует адекватной реакции. Составы преступлений против жизни или здоровья, где вред причиняется конкретному индивиду, по своей конструкции и санкциям выглядят несопоставимо более суровыми, чем составы преступлений, подрывающих биологические основы здоровья целых популяций. Это создаёт своеобразный правовой парадокс, который требует переосмысления.

Законодательные коррективы, вносимые в главу 26 УК РФ на протяжении последних десятилетий, носят, по оценке специалистов, в значительной степени бессистемный и противоречивый характер.

Как отмечает Ю.А. Тимошенко, периоды гуманизации уголовной политики (выражавшейся, например, в исключении минимальных пределов наказаний или изъятии из санкций лишения свободы) сменялись этапами усиления репрессивности, но эти изменения затрагивали лишь отдельные, преимущественно «ресурсные» составы, такие как незаконная добыча водных биоресурсов (ст. 256 УК РФ) или незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) [1]. Основная же масса норм об ответственности за загрязнение вод, атмосферы, морской среды, нарушение правил обращения с отходами оставалась в стороне от процесса ужесточения.

При этом ключевым трендом стало расширение альтернативности санкций, то есть предоставление суду более широкого выбора между различными видами наказаний. На первый взгляд, это способствует индивидуализации ответственности, но на практике зачастую приводит к назначению заведомо мягких, несоизмеримых содеянному мер. Как констатирует С.А. Боголюбов, хотя УК РФ 1996 года и усилил ответственность за экологические преступления по сравнению с предыдущим законодательством, увеличив количество норм и планку наказаний, большинство из них по-прежнему относятся к категориям небольшой и средней тяжести [2]. Например, анализ судебной практики по делам о незаконной рубке леса в особо крупном размере демонстрирует вопиющую неадекватность наказания.

В качестве характерного примера можно привести дело гражданина Ширяева В.Л., который причинил ущерб лесному фонду на сумму свыше 1,2 млн рублей (что является особо крупным размером). Суд, признав его виновным по ч. 3 ст. 260 УК РФ, назначил наказание в виде 3 лет лишения свободы, но тут же, в соответствии со ст. 73 УК РФ, постановил считать его условным с испытательным сроком [3]. Таким образом, несмотря на формальное наличие в санкции сурового наказания, реальной изоляции от общества и действенного предупреждения аналогичных преступлений не произошло, а цель восстановления нарушенного природного баланса осталась недостигнутой, поскольку процесс лесовосстановления занимает десятилетия.

Показательно, что несмотря на установленный ущерб в особо крупном размере, суд не назначил дополнительное наказание в виде штрафа, которое могло бы стать источником средств для лесовосстановительных работ. Эта практика является типичной и отражает общую

тенденцию неприменения дополнительных наказаний экономического характера. Как отмечает А.П. Кузнецов, суды зачастую избегают назначения конфискации орудий преступления (например, дорогостоящей спецтехники), ограничиваясь их «арестом» или возвратом формальным владельцам, что не лишает экономической основы организованную преступность в лесной сфере [8]. Кроме того, в науке дискутируется вопрос о несовершенстве методик исчисления ущерба. Профессор Н.А. Лопашенко указывает, что действующие таксовые методы оценки вреда животному и растительному миру не учитывают экосистемные функции утраченных ресурсов (например, климатообразующую роль леса), что ведет к занижению реального ущерба и, как следствие, к более мягкой квалификации и наказанию [6].

Крайне низкая эффективность уголовного закона напрямую связана с особенностями объективной стороны экологических преступлений, которые в подавляющем большинстве имеют бланкетный характер диспозиции. Это означает, что уголовно-правовая норма отсылает правоприменителя к огромному массиву иного, прежде всего административного и экологического, законодательства.

Для квалификации, например, преступления, предусмотренного статьёй 247 УК РФ (нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов), необходимо установить, какие конкретные правила, содержащиеся в федеральных законах, санитарных нормах, правилах и инструкциях, были нарушены обвиняемым. В экологической сфере действует колоссальное количество нормативных правовых актов – исследователи насчитывают около 550, включая десятки законов и сотни подзаконных актов. Такая ситуация создаёт непреодолимые трудности как для следствия и суда, так и для самих потенциальных нарушителей.

Верховный Суд РФ настаивает на том, чтобы в обвинительных заключениях и приговорах содержались прямые ссылки на нарушенные нормы, отсутствие которых может повлечь возврат дела прокурору. Подобная ситуация, по мнению учёных, противоречит принципу правовой определённости. М.М. Бринчук видит в этом отступление от конституционного принципа разделения властей, поскольку основной массив регулятивных норм создаётся не законодателем, а исполнительной властью [4].

Однако, как показывает практика, это не всегда осуществимо, поскольку детальное регулирование специфических вопросов (например, правил рыболовства для конкретного бассейна) в силу необходимости оперативного реагирования на изменения экологической обстановки оста-

ётся прерогативой подзаконных актов. Тем не менее, нынешнее положение дел, когда уголовная ответственность может наступить за нарушение ведомственной инструкции, слабо доступной для рядового гражданина, является порочным и требует системной законодательной кодификации экологических требований.

Статистические данные, несмотря на их известную ограниченность и высокий уровень латентности экологической преступности, красноречиво подтверждают описанные проблемы. В структуре зарегистрированных экологических преступлений абсолютно доминируют два состава: незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) и незаконная добыча водных биоресурсов (ст. 256 УК РФ). На их долю приходится до 90% всех осуждённых по главе 26 УК РФ. Преступления же, связанные с загрязнением окружающей среды (ст. 250, 251, 252, 254 УК РФ), составляют статистически мизерную часть, что совершенно не соответствует реалиям промышленного развития регионов и многочисленным фактам аварийных сбросов и выбросов.

Это свидетельствует о том, что правоохранительная система эффективно выявляет лишь относительно простые, «понятые» преступления, совершаемые, как правило, физическими лицами (браконьерство, незаконная порубка), в то время как сложносоставные деяния, совершаемые юридическими лицами и влекущие масштабный диффузный вред, остаются вне поля зрения.

Согласно официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2025 год, на долю «ресурсных» преступлений (ст. 256, 258, 260 УК РФ) по-прежнему приходится свыше 85% всех осуждённых по главе 26. При этом число осуждённых за загрязнение вод (ст. 250 УК РФ) и атмосферы (ст. 251 УК РФ) остается статистически незначительным (менее 1% в совокупности), что не коррелирует с тысячами выявляемых ежегодно административных правонарушений в данной сфере. Эта диспропорция служит прямым доказательством колоссальной латентности и «пропускной» неспособности правоохранительной системы реагировать на сложные технологические загрязнения. Ученые, такие как В.В. Крупцов, констатируют, что в условиях цифровизации возникают и новые, слабо урегулированные формы экологических угроз, например, кибератаки на объекты критической инфраструктуры (водоканалы, нефтепроводы), способные привести к катастрофическим последствиям, но не имеющие четкой квалификации в действующем УК РФ [7].

Ярчайшим примером катастрофических последствий, слабо вписывающихся в действующие уголовно-правовые рамки, является инцидент с разливом дизельного топлива в Норильске

в 2024 году, причинивший неисчислимый ущерб арктическим экосистемам. Ещё одним наглядным случаем является дело жителя Амурской области, который сбросил в реку пестициды, что привело к массовой гибели рыбы на протяжении 7 км русла. Подобные происшествия обнажают неадекватность существующих санкций и методик исчисления ущерба, который зачастую не поддаётся адекватной денежной оценке, поскольку речь идёт о разрушении целых биогеоценозов.

Для преодоления системного кризиса уголовно-правовой охраны окружающей среды необходим комплекс мер, затрагивающих законодательную, правоприменительную и профилактическую сферы.

Во-первых, назрела потребность в доктринальном пересмотре места экологических преступлений в системе уголовного закона. Целесообразно рассмотреть возможность выделения их в отдельный раздел Особенной части УК РФ, что подчеркнёт особую значимость и специфику объекта посягательства – основ жизнедеятельности общества.

Во-вторых, требуется существенная коррекция санкций за наиболее опасные виды экологических преступлений, особенно связанных с загрязнением. Необходимо введение реальных, а не условных нижних пределов наказания в виде лишения свободы за деяния, повлёкшие тяжкие последствия или создавшие угрозу их наступления, а также за систематические нарушения.

В-третьих, необходима масштабная работа по систематизации и кодификации природоохранного законодательства, на которое ссылаются бланкетные диспозиции. Следует стремиться к максимальной конкретизации нарушаемых правил непосредственно в тексте уголовного закона или в приложениях к нему.

В-четвёртых, ключевое значение имеет развитие судебной практики, ориентированной не на формальное совершение преступления, а на оценку реального экологического ущерба и его последствий. Суды должны активнее использовать такие виды наказаний, как обязательные работы по восстановлению нарушенной природной среды, а также безусловно взыскивать с виновных суммы, эквивалентные причинённому вреду, направляя их на экологические программы. Наконец, важнейшим направлением является борьба с латентностью, что требует усиления контрольно-надзорной деятельности, внедрения систем автоматизированного экологического мониторинга и поощрения гражданской инициативы в выявлении нарушений.

Конкретными законодательными мерами могли бы стать: 1) Введение новой статьи в УК РФ, криминализирующей систематическое (два и более раза в год) нарушение экологических тре-

бований юридическим лицом, повлекшее существенное ухудшение качества окружающей среды, с санкцией, предусматривающей принудительную ликвидацию предприятия. 2) Расширение оснований для применения конфискации имущества (ст. 104.1 УК РФ) на все экологические преступления, совершенные из корыстной заинтересованности. 3) Закрепление в примечаниях к статьям главы 26 УК РФ прямых ссылок на ключевые федеральные законы (№7-ФЗ «Об охране окружающей среды», № 89-ФЗ «Об отходах производства»), что сузит поле бланкетности. В процессуальном плане необходим пересмотр подходов Генеральной прокуратуры и Следственного комитета РФ к подследственности: наиболее резонансные дела о комплексном загрязнении должны с момента выявления находиться в ведении центрального аппарата, чтобы исключить местное коррупционное давление. Как показывает зарубежный опыт (например, практика Агентства по охране окружающей среды США), ключом к снижению латентности является создание специализированных экологических прокуратур или следственных подразделений, обладающих необходимыми научно-техническими экспертами.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что современная система уголовно-правовой охраны окружающей среды в Российской Федерации переживает системный кризис эффективности. Его истоками являются не только концептуальные противоречия в конструкции норм (их бланкетный характер, размещение в структуре Кодекса, неадекватность санкций), но и глубокое несоответствие правоприменительной практики масштабу и характеру экологических угроз. В результате между конституционной гарантией права на благоприятную окружающую среду и реальной способностью уголовного закона её обеспечить углубляется правозащитный вакуум. Преодоление этого разрыва требует стратегической переориентации парадигмы охраны. Экологическое преступление должно быть воспринято законодателем, правоприменителем и обществом не как посягательство на порядок управления или собственность, а как деяние, подрывающее биологические основы существования человека. Эта новая концептуальная система диктует императивность следующих практических шагов:

1) Законодательная реформа: Необходимо рассмотреть вопрос о выделении экологических преступлений в отдельный раздел Особенной части УК РФ, что юридически закрепит их особую общественную опасность. Требуется радикальный пересмотр санкций за преступления, связанные с загрязнением, в сторону введения реаль-

ных минимальных порогов наказания и безусловного расширения применения конфискации орудий и доходов от такой деятельности.

- 2) Процессуальная и институциональная оптимизация: Для борьбы с латентностью и повышения качества расследования необходимо развитие специализации в правоохранительных органах — создание следственных групп и прокурорских подразделений, обладающих экспертной экологической компетенцией. Подследственность по делам о крупном и особо крупном экологическом вреде должна быть сосредоточена на уровне центрального аппарата СК РФ.
- 3) Судебная практика как инструмент восстановительной юстиции: Следует активно развивать практику назначения наказаний, непосредственно направленных на восстановление нарушенного природного объекта (обязательные работы, исправительные работы с удержанием средств на экологические цели). Взыскание ущерба в полном объеме, рассчитанного с учетом не только стоимостных, но и экосистемных потерь, должно стать безусловным правилом, а не исключением.

Только такой комплексный, системно-ориентированный подход, основанный на переоценке объекта уголовно-правовой защиты и подкрепленный правовыми и институциональными механизмами, способен трансформировать уголовный закон из декларативного инструмента в действенный гарант экологической безопасности настоящего и будущих поколений. Реализация предложенных мер станет практическим шагом перехода к реальной уголовно-правовой защите и охране объектов природы.

Список литературы:

- [1] Крупцов В.В. Экологическая преступность в цифровую эпоху: новые вызовы и ответы уголовного права // Государство и право. – 2024. – № 5. – С. 112-125.
- [2] Боголюбов С. А. Актуальные проблемы экологического права. — М.: Юрайт, 2020.
- [3] Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовая оценка и проблемы квалификации. — М.: Проспект, 2023. — 368 с.
- [4] Тимошенко Ю. А. Совершенствование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: идеи и их законодательное воплощение // Российский журнал правовых исследований. — 2015. — Т. 2, № 3. — С. 133-139.
- [5] Кузнецов А.П. Институт конфискации в борьбе с экологической преступностью: проблемы и перспективы // Законность. – 2024. – № 3. – С. 34-39.
- [6] Приговор Новосибирского районного суда Новосибирской области от 1 ноября 2024 г. по делу № 1-319/2024 // СПС «Судебная практика». URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/466931.html> (дата обращения: 09.02.2026).
- [7] Чучаев А.И., Капинус О.С. Уголовно-правовая охрана окружающей среды: монография. — М.: Юриспруденция, 2023. — 290 с.
- [8] Дубовик О. Л. Экологическое право: учебник. — М.: Проспект, 2019.
- [9] Официальные статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Состояние судимости в Российской Федерации за 2025 год» (раздел «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»). — URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 09.02.2026).

References:

- [1] Kruptcov V.V. Environmental Crime in the Digital Age: New Challenges and Responses of Criminal Law // State and Law. - 2024. - No. 5. - Pp. 112-125.
- [2] Bogolyubov S.A. Current Issues of Environmental Law. - Moscow: Yurait, 2020.
- [3] Lopashenko N.A. Environmental Crimes: Criminal-Law Assessment and Qualification Issues. - Moscow: Prospect, 2023. - 368 p.
- [4] Timoshenko Yu.A. Improvement of Criminal-Law Norms on Liability for Environmental Crimes: Ideas and Their Legislative Implementation // Russian Journal of Legal Research. - 2015. - Vol. 2, No. 3. - Pp. 133-139.
- [5] Kuznetsov A.P. The Institute of Confiscation in the Fight against Environmental Crime: Problems and Prospects // Legality. - 2024. - No. 3. - Pp. 34-39.
- [6] Verdict of the Novosibirsk District Court of the Novosibirsk Region dated November 1, 2024 in case No. 1-319/2024 // SPS "Judicial Practice". URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/466931.html> (date of access: 09.02.2026).
- [7] Chuchaev A.I., Kapinus O.S. Criminal-legal protection of the environment: monograph. - Moscow: Jurisprudence, 2023. - 290 p.
- [8] Dubovik O.L. Environmental Law: textbook. — M.: Prospect, 2019.
- [9] Official statistics of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation "Status of criminal records in the Russian Federation for 2025" (section "Crimes against public safety and public order"). — URL: <http://www.cdep.ru> (date accessed: 09.02.2026).